

В. Е. Науменко

А. Г. Герцен

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского
Симферополь, Россия

САСАНИДСКИЙ ЛОЖНЫЙ ПЕРСТЕНЬ ИЗ РАСКОПОК МАНГУПСКОГО ДВОРЦА: ПРОБЛЕМЫ АТРИБУЦИИ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ

В 2006 г. в ходе раскопок дворца правителей княжества Феодоро (1425–1475) в центральной части Мангупского городища (Юго-Западный Крым), был обнаружен уникальный для памятника перстень из желтоватого халцедона, изготовленный в VI – начале VII в. на территории Сасанидского Ирана. находка относится к числу так называемых ложных перстней-печаток (*мухр*), имеет эллипсоидную форму (сплюснутая полусфера) с узким каналом для подвешивания на шею, запястье или пояс. На щитке перстня представлено изображение горного барана (*архар*) с круто загнутыми рогами, лежащего влево с поджатыми ногами. Его сопровождает ряд официальных символов правящей династии в государстве Сасанидов: царский бант *аихараванд* (обязанная лента на одной из передних ног животного), полумесяц рогами вверх (молодая Луна, один из символов династии) и аташдан (зороастрийский храмовый алтарь с пылающим огнем). Композиция изображения восходит к легенде об основателе династии Сасанидов царе Ардашире I (224–240), которому одержать победу над последним парфянским правителем Артабаном V (213–224) и взойти на престол помогло божество царской власти, победы, могущества, удачи и славы *Фарр*, воплощенное в образе горного барана. Таким образом, первый владелец находки входил в состав по крайней мере привилегированной части сасанидского общества, а перстень использовался им в роли подписи или знака собственности при опечатывании личных документов и предметов торговых операций. Рассматривая обстоятельства обнаружения сасанидского перстня в культурном слое одной из крупнейших византийских крепостей в Таврике, построенной, очевидно, в конце правления императора Юстиниана I (527–565), вряд ли стоит серьезно рассматривать версии прямой официальной переписки между местной византийской администрацией и кем-то из иранских корреспондентов или присутствия здесь воинских контингентов из Персии. Скорее всего, находка является обычным трофеем византийского офицера, принимавшего участие в одной из многочисленных византийско-сасанидских военных кампаний второй половины VI – первой трети VII в. и затем продолжившего службу в составе гарнизона Мангупа-Дороса.

Ключевые слова: Юго-Западный Крым; Мангуп; Византия; Сасанидский Иран; дворец; ложный перстень; зороастризм

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект №19-09-00124 «Дворцовый комплекс

В. Е. Науменко, А. Г. Герцен

Мангупского городища – резиденция правителей княжества Феодоро в Юго-Западном Крыму. Проблемы хронологии, планировки и архитектурной реконструкции памятника».

Цитирование: Науменко В. Е., Герцен А. Г. Сасанидский ложный перстень из раскопок Мангупского дворца: проблемы атрибуции и интерпретации // Античная древность и средние века. 2021. Т. 49. С. 97–114. <https://doi.org/10.15826/adsv.2021.49.007>

Поступила в редакцию 04.08.2021

Принята к печати 15.10.2021

Valerii E. Naumenko
Aleksandr G. Gertsen

V. I. Vernadsky Crimean Federal University
Simferopol, Russia

SASANIAN PSEUDO-SIGNET-RING EXCAVATED AT THE PALACE OF MANGUP: THE ASPECTS OF ITS ATTRIBUTION AND INTERPRETATION

In 2006, the excavation of the palace of the rulers of the Principality of Theodoro (1425–1475) in the central area of the ancient town of Mangup (south-western Crimea) uncovered a unique at this site signet-ring of yellowish chalcedony made in the sixth or early seventh century in Sasanian Iran. This find belongs to a group of the so-called pseudo-signet-rings (*muhr*); it shows an ellipsoidal shape (flattened hemisphere) with a narrow channel for hanging on the neck, wrist, or belt. On the shield of the signet-ring there is an image of a mountain sheep (*arhar*) with steeply curved horns, lying to the left, with the legs tucked. It was accompanied with a number of official symbols of the ruling dynasty in the Sassanian State: the royal bow *ashkharavand* (of a ribbon tied round a front leg of the animal), a crescent with the horns upward (a young Moon, one of the symbols of the dynasty), and *atashdan* (Zoroastrian temple altar with burning fire). The composition of this image goes back to the legend about the founder of the Sassanian dynasty King Ardashir I (224–240), who defeated the last Parthian ruler Artaban V (213–224) and ascended the throne with the help from the deity of royal power, victory, might, luck, and glory *Farr* embodied in the mountain ram. Therefore, the first owner of the signet-ring was a member of the privileged part of the Sassanian society, using the ring to make signature or as a sign of ownership when sealing personal documents and items of trade transactions. Considering the circumstances of the discovery of the Sassanian ring in the cultural layer of one of the largest Byzantine fortresses in Taurica obviously constructed at the end of the reign of Emperor Justinian I (527–565), it is hardly worth thinking of direct official correspondence between the local Byzantine administration and someone from Iranian correspondents or the presence of the military contingents from Persia. Most likely, the find in question was simply a trophy of a Byzantine officer who took part in one of the many Byzantine-

Сасанидский ложный перстень из раскопок Мангупского дворца

Sassanian military campaigns of the second half of the sixth or the first third of the seventh centuries and then continued his service in the garrison of Mangup-Doros.

Keywords: south-western Crimea; Mangup; Byzantium; Sassanian Iran; palace; pseudo-signet-ring; Zoroastrianism

Acknowledgements

This study was funded by the Russian Foundation for Basic Research, project no. 19-09-00124 *The Palace Complex of the Mangup Settlement – the Residence of the Rulers of the Principality of Theodoro in the South-West Crimea. Problems of Chronology, Planning and Architectural Reconstruction of the Monument.*

For citation: Naumenko, V. E., & Gertsen, A. G. (2021). Sasanidskii lozhnyi persten' iz raskopok Mangupskogo dvortsa. Problemy atributsii i interpretatsii [Sassanian Pseudo-Signet-Ring Excavated at the Palace of Mangup: The Aspects of Its Attribution and Interpretation]. *Antichnaya drevnost' i srednie veka*, 49, 97–114. <https://doi.org/10.15826/adsv.2021.49.007>

Submitted: 04.08.2021

Accepted: 15.10.2021

Введение. Начиная с 2006 г., основным объектом исследований Мангупской археологических экспедиции Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского является дворец правителей княжества Феодоро (1425–1475) в центральной части Мангупского городища. За последние годы, помимо установления точной хронологии и планиграфии, к числу наиболее важных результатов систематических раскопок памятника относится открытие в его стратиграфии культурных горизонтов и ярусов застройки додворцового и постдворцового времени, что свидетельствует об использовании данного участка городища на протяжении всех основных этапов истории Мангупа, в том числе в ранневизантийский (середина VI – конец VIII в.), фемный (середина IX – середина XI в.), золотоордынский (конец XIII в. – около 1395 г.), феодоритский (XV в., до 1475 г.) и османский (1475–1792) периоды¹. Такая степень изученности археологического объекта позволяет с уверенностью исключить «случайность» присутствия в культурном слое отдельных артефактов, на первый взгляд, не вписывающихся в извест-

¹ Об итогах раскопок дворца см.: Герцен А. Г., Науменко В. Е., Душенко А. А. Княжеский дворец Мангупского городища. Стратиграфия участка исследований 2006–2017 гг. (предварительное сообщение) // X Международный Византийский семинар «ΧΕΡΣΟΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис»: материалы науч. конф. / отв. ред. Н. А. Алексеенко. Севастополь, 2018. С. 53–58; *Их же*. Основные итоги и перспективы исследований княжеского дворца Мангупского городища // XX Боспорские чтения «Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Основные итоги и перспективы исследований»: материалы Междунар. науч. конф. / ред.-сост. В. Н. Зинько, Е. А. Зинько. Симферополь; Керчь, 2019. С. 139–148.

ный историко-археологический контекст, и в ходе реконструкции комплексов находок соответствующего исторического периода привлекать к анализу даже «переотложенные» археологические материалы.

Многолетние раскопки дворца сформировали целый массив новых археологических источников по истории и культуре Мангупа, которые постепенно вводятся в научный оборот. Среди них особое место занимают находки из так называемой группы *small finds*, характеризующие не только различные стороны повседневной жизни населения средневековой крепости, но и являющиеся зачастую основанием для рассмотрения малоизученных либо совершенно новых сюжетов из истории памятника².

Сасанидский ложный перстень из раскопок Мангупского дворца, халцедон, вторая половина VI – первая треть VII в. (2006, Южный участок исследований, квадрат № 2)

Sasanian pseudo-signet-ring excavated at the palace of Mangup; chalcedony; second half of sixth to the first third of the seventh centuries (2006; southern research area; grid no. 2)

К числу таких предметов, безусловно, относится и обнаруженный еще в 2006 г. сасанидский перстень-печатка из халцедона, на щитке кото-

² См., например: Науменко В. Е. «Латиняне» на Мангупе. Уникальный западноевропейский крест-энколпион из раскопок княжеского дворца Мангупского городища: проблемы атрибуции и датировки // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2020. Т. 25, № 6. С. 100–115.

Сасанидский ложный перстень из раскопок Мангупского дворца
рого вырезано изображение лежащего горного барана в сопровождении
ряда символов правящей династии в государстве Сасанидского Ирана
(см. иллюстрацию)³. Неординарность находки заключается не столько
в отсутствии каких-либо аналогий ей на памятниках раннесредневеко-
вой Таврики и крайней редкости подобных, но не идентичных и всегда
индивидуальных изделий сасанидской глиптики на территории Восточ-
ной Европы, сколько в содержании сюжета изображения на печати, кото-
рое ясно указывает на принадлежность ее владельца к привилегирован-
ной части сасанидского общества. Означает ли это, что интересующий
нас перстень, происходящий из культурного слоя одной из крупнейших
византийских крепостей в Таврике, является материальным свидетель-
ством неизвестной по данным письменных источников официальной
переписки между местной администрацией и одним из иранских высо-
копоставленных корреспондентов или даже присутствия здесь воинских
контингентов из Персии? На наш взгляд, нет. Как показывает приведен-
ный ниже анализ находки, скорее всего, речь идет об обычном военном
трофее одного из участников многочисленных византийско-сасанидских
военных кампаний второй половины VI – первой трети VII вв., который
затем продолжил службу в составе гарнизона Мангупа-Дороса.

В любом случае, публикация уникального сасанидского перстня
из раскопок Мангупского дворца пополняет археологический комплекс
находок ранневизантийского времени, связанных с функционировани-
ем участка жилой застройки крепости второй половины VI – начала
VIII в. на месте будущей резиденции правителей княжества Феодоро.

Атрибуция и датировка. Перстень из раскопок Мангупа изготов-
лен из желтоватого халцедона с прожилками серого и темно-коричне-
вого цветов. Он относится к типу так называемых сасанидских анэпи-
графных ложных перстней-печаток (*мухр*), имеет эллипсоидную форму
(сплюснутая полусфера) с узким просверленным каналом для под-
вешивания на шее, запястье или пояс⁴. Размеры шинки перстня –
2,63 x 2,10 см, ее толщина – 1,74 см, диаметр «ложного» канала-отвер-
стия – 0,74 см. Внешняя поверхность изделия гладкая, полированная,
украшена глубокими концентрическими и волнообразными линиями.

Плоский щиток перстня имеет овальную форму (размеры –
1,77 x 1,40 см), подчеркнутую невысокой гранью. Его центральная часть

³ Предварительная публикация находки: Герцен А. Г. Сасанидский перстень из раскопок Мангупа // Небесные патроны и земные служители культа : тез. докл. и сообщ. IX Междунар. Крымской конфер. по религиоведению (г. Севастополь, 15–19 мая 2007 г.). Севастополь, 2007. С. 18–19.

⁴ Ritter N. C. Gemstones in Pre-Islamic Persia: Social and Symbolic Meanings of Sasanian Seals // Gemstones in the First Millennium AD: Mines, Trade, Workshops and Symbolism / ed. A. Hilgner, S. Greiff, D. Quast. Mainz, 2017. P. 277.

занята изображением горного барана (*архар*) с круто загнутыми гладкими рогами, лежащего влево с поджатыми ногами, выполненным в технике объемно-выемчатой резьбы. Отмечаем общую реалистичность и высокое качество выполненного изображения: все линии четкие, законченные, с закругленными краями; соблюдена пропорциональность между отдельными частями тела животного; хорошо видны глаз и ухо барана; складки шерсти и кожи на его шее и туловище правдоподобно подчеркнуты зонами почти горизонтальных и вертикальных линий; заостренный кончик короткого хвоста опущен вниз. Как известно, все перстни-печатки в Сасанидском Иране изготавливались индивидуально, на заказ, без дубликатов; качество изделия указывало на мастерство резчика и финансовые возможности его заказчика и владельца⁵.

О высоком социальном статусе владельца нашего перстня также свидетельствует ряд вырезанных вокруг основного изображения официальных символов правящей династии в государстве Сасанидов: царский бант *аихараванд* (обвязанная лента на одной из передних ног животного), полумесяц рогами вверх (молодая Луна, один из символов династии) и *аташдан* (зороастрийский храмовый алтарь с пылающим огнем)⁶. Огонь *аташдана* изображен в виде сплошного факела пламени, а не нескольких его языков, что привычнее. Из-за этого на печати видны лишь нижняя горизонтальная плита алтаря и частично его столб-основание, верхняя же часть культового сооружения (обычно в виде одной или двух плит перекрытия) не просматривается.

Композиция изображения на мангупской печати восходит к легенде об основателе династии Сасанидов царе Ардашире I (224–240), которому одержать победу над последним парфянским правителем Артабаном V (213–224) и взойти на престол помогло божество власти, победы, могущества, удачи и славы *Фарр*, воплотившееся в образе горного барана⁷. Официальная версия легенды приведена в «Книге деяний

⁵ Малахов С. Н. К истории алано-иранских этнокультурных контактов в раннем средневековье (сасанидская гемма из ст. Алексеевской Краснодарского края) // Методика исследования и интерпретация археологических материалов Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1988. С. 45; Ritter N. C. Gemstones in Pre-Islamic Persia... P. 100.

⁶ Об их содержании на памятниках сасанидской глиптики см.: Борисов А. Я., Луконин В. Г. Сасанидские геммы. Л., 1963. С. 36–37; Brunner Ch. J. Sasanian Stamp Seals in the Metropolitan Museum of Art. New York, 1978. P. 119–120, 128.

⁷ О символике и функциях божества Фарр (Фарн, Хварна, Хварно, Хварра, Хварена) см.: Литвинский Б. А. Кангуйско-сарматский фарн (к историко-культурным связям племен Южной России и Средней Азии). Душанбе, 1968. С. 46–58; Чунакова О. М. Пехлевийский словарь зороастрийских терминов, мифических персонажей и мифологических символов. М., 2004. С. 228–230; Дмитриев В. А. Рога барана и крылья сокола: к вопросу о религиозной символике в оформлении царских корон Сасанидов // ПИФК. 2012. № 1(35). С. 146–150; Шенкарь М. А. Об иконографии х'агэнах и его роли в идеологии древних иранцев // Последний энциклопедист: к юбилею Б. А. Литвинского. М., 2013. С. 427–442.

Сасанидский ложный перстень из раскопок Мангупского дворца

Ардашира сына Папака», одном из важнейших произведений средневековой персидской литературы, созданном не позднее второй половины VI в. на основе более ранней письменной и устной традиции⁸. Начиная с IV в., образ барана, как символ царского *фарра*, воинской доблести и военной удачи, получил в Сасанидском государстве и персидском искусстве широкое распространение, а рога барана стали даже символом военного костюма сасанидских правителей. В зороастрийских религиозных представлениях он также ассоциировался не только с *фарром*, но и с одним из наиболее почитаемых культов небесного воина *Веретрагны* (*Вэртрагны*, *Варахрана*, *Бахрама*), имя которого прочно вошло в царскую антропониимику Сасанидов⁹. Таким образом, все это свидетельствует о том, что заказчик нашего перстня принадлежал по крайней мере к привилегированной части сасанидского общества.

Надежная сасанидская атрибуция ложного перстня-печатки из раскопок Мангупского дворца, владелец которого, еще раз подчеркнем, имел основания использовать на нем официальную символику правящей династии, не избавляет нас от трудностей при установлении более точной датировки изделия.

Современная историография показывает высокую степень изученности разнообразных сасанидских каменных печатей (перстневых пластин-вставок, перстней-печаток и их оттисков на глиняной поверхности). Опубликованы более 10 тысяч печатей, обнаруженных на территории от Западной Европы до Юго-Восточной Азии и ныне хранящихся в собраниях музеев и частных коллекциях¹⁰. Правомерен вывод о том, что печати, наряду с монетами, являлись средствами распространения массовой информации в пределах Сасанидского государства, а также материальными маркерами его торговых коммуникаций и культурных контактов с народами сопредельных и отдаленных областей. Выпускаясь в массовом количестве на территории Сасанидского Ирана, они

⁸ Книга деяний Ардашира сына Папака / пер., введ., коммент. О. М. Чунаковой. М., 1987. С. 70–71 (IV).

⁹ Дмитриев В. А. Рога барана и крылья сокола... С. 146–147, 150.

¹⁰ Борисов А. Я., Луконин В. Г. Сасанидские геммы. С. 72–194; Lerner J. A. Sasanian Seals in the Department of Medieval and Later Antiquities of the British Museum // JNES. 1976. Vol. 35, No 3. P. 183–187; Brunner Ch. J. Sasanian Stamp Seals in the Metropolitan Museum of Art. P. 19–39; Spier J. Ancient Gems and Finger Rings: Catalogue of the Collections. Malibu, 1992. P. 164–166; Смирнова Н. М. Глиптика Сасанидского Ирана // Мир в миниатюре. Геммы из собрания ГМИИ им. А. С. Пушкина : каталог. М., 2012. С. 50–81; и др. О результатах современного этапа изучения сасанидских печатей см.: Ritter N. C. On the Development of Sasanian Seals and Sealing Practice: A Mesopotamian Approach // Seals and Sealing Practice in the Near East. Developments in the Administration and Magic from Prehistory to the Islamic Period: Proceedings of an International Workshop at the Netherlands-Flemish Institute in Cairo on December 2–3, 2009 / ed. I. Regulsky, K. Duistermaat, P. Verkinderen. Leuven ; Paris ; Walpole, 2012. P. 99–112; Idem. Gemstones in Pre-Islamic Persia... P. 277–287. Там же основная библиография работ и перечень опубликованных каталогов печатей.

использовались повсеместно в роли подписей или знаков собственности своих владельцев, для ведения официальной и частной переписки, подтверждения налоговых и торговых операций, а также в качестве амулетов, талисманов, украшений и погребального инвентаря¹¹. Однако такой важный вопрос, как разработка общепринятой классификации сасанидских печатей, с ясными критериями для установления узкой датировки для отдельных изделий, остается нерешенным.

Предпринятые в свое время попытки систематизировать, прежде всего, на материалах крупных музейных коллекций, сасанидские печати типологически и хронологически сейчас могут быть признаны успешными лишь для небольшой группы предметов, имеющих надписи и хорошо узнаваемые «царские» портреты; при этом основанием для их датировки остаются все-таки данные палеографии и содержание эпиграфических текстов¹². Большинство же печатей являются анепиграфными. Они сильно стандартизированы по материалу, технике изготовления, форме и иконографическим сюжетам; однообразны, без каких-либо региональных и хронологических особенностей, на протяжении всей истории Сасанидского государства, от III до середины VII в.; использовались в обиходе представителями разных социальных и этноконфессиональных групп империи, в зависимости от их религиозных и иных убеждений¹³. В этой ситуации, безусловно, могли бы помочь детальные исследования условий обнаружения музейных предметов и материалы археологических раскопок. Однако подавляющее большинство сасанидских печатей из собраний музеев приобретены у антикваров либо переданы частными коллекционерами, и поэтому не имеют такой информации. Археологические же находки, особенно современные, хорошо документированные, как правило, вступают в противоречие с результатами искусствоведческих штудий. Показательной в этом смысле является публикация коллекции сасанидских анепиграфных каменных ложных перстней-печаток (всего 22 экземпляра) из раскопок поселений и курганных некрополей джеты-асарской археологической культуры в Средней Азии, где они были найдены в комплексах III–IV и IV–V вв., хотя должны были, следуя общепринятым критериям, датироваться позднесасанидским периодом (около 531–651 гг.)¹⁴.

¹¹ Ritter N. C. *Gemstones in Pre-Islamic Persia...* P. 278–284.

¹² Борисов А. Я., Луконин В. Г. Сасанидские геммы. С. 12–19; Brunner Ch. J. *Sasanian Stamp Seals in the Metropolitan Museum of Art*. P. 8–9.

¹³ Ritter N. C. *On the Development of Sasanian Seals and Sealing Practice...* P. 100, 109; *Idem*. *Gemstones in Pre-Islamic Persia...* P. 277, 284.

¹⁴ Левина Л. М., Никитин А. Б. Об одной группе иранских резных камней из Восточного Приаралья // ВДИ. 1991. № 3. С. 53–65; Левина Л. М. Этнокультурная история Восточного Приаралья: I тысячелетие до н. э. – I тысячелетие н. э. М., 1996. С. 237–243.

Сасанидский ложный перстень из раскопок Мангупского дворца

Тем не менее, для установления точной хронологии сасанидского перстня из раскопок Мангупского дворца возможными являются только археологические основания. При этом важно отметить, что уже отмеченная хорошая сохранность находки, очевидно, свидетельствует как о коротком периоде его использования по назначению, так и о том, что дата его изготовления на территории Сасанидского Ирана и обстоятельства, по которым печать оказалась в культурном слое Мангупа, не сильно удалены между собой по времени.

Интересующий нас сасанидский перстень обнаружен в 2006 г. при выборке верхнего культурного слоя на площади археологического квадрата № 2 на так называемом Южном участке исследований Мангупского дворца. Культурный горизонт оказался насыщен разновременными археологическими материалами – от ранневизантийского периода до XVIII в., – попавшими в него в результате различных этапов строительной активности на памятнике в эпоху Средневековья, а также в ходе раскопок Е. В. Веймарна в 1974 г. Тем не менее, как уже говорилось, с учетом современных знаний о стратиграфии и периодизации дворца, все эти материалы нельзя рассматривать как случайные и не имеющие отношения к разновременным ярусам выявленной застройки додворцового, дворцового и постдворцового времени на данном участке городища. В таком случае сасанидский перстень может быть надежно соотнесен с ранним этапом истории поселения второй половины VI – начала VIII в. в этой части Мангупа, возникшего с момента строительства византийской крепости на Мангупском плато в конце правления императора Юстиниана I (527–565)¹⁵.

Наиболее показательными для археологического комплекса находок этого поселения являются фрагменты привозных византийских амфор и местной лепной керамики, византийские монеты, с преобладанием номиналов времени Юстиниана I¹⁶, а также отдельные предметы из группы *small finds*, в том числе византийские бронзовые экзагии VI в.¹⁷, дополнительно свидетельствующие о включении крепости в состав Византийской империи и принятой здесь монетно-весовой системе, и детали повседневного костюма местных жителей, следовав-

¹⁵ Науменко В. Е., Набоков А. И. Детали костюма ранневизантийского времени из раскопок Мангупского дворца // XIII Международный Византийский семинар «ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис» : материалы науч. конф. / отв. ред. Н. А. Алексеенко. Симферополь, 2021. С. 202, 205.

¹⁶ Душенко А. А. Нумизматический комплекс Мангупского княжеского дворца (раскопки 2006–2018 гг.): статистический обзор // XII Международный Византийский семинар «ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис» : материалы науч. конф. / отв. ред. Н. А. Алексеенко. Симферополь, 2020. С. 93.

¹⁷ Душенко А. А. Византийские разновесы из раскопок Мангупа // МАИЭТ. 2018. Вып. 23. С. 255–268.

ших распространившейся моде на определенную гарнитуру и аксессуара в одежде на территории империи и сопредельных областей¹⁸.

Обнаруженный сасанидский перстень, с учетом хорошо известных контактов Византии и Ирана в эпоху раннего Средневековья, не выглядит совершенно изолированным в окружении доминирующего для этого времени на Мангупе и в целом в Крыму круга византийских древностей. Еще в конце XIX в., к примеру, Т. В. Кибальчицем были приобретены на полуострове несколько десятков сасанидских гемм, колец-печаток и ложных перстней, девять из которых были затем опубликованы в коллекции Государственного Эрмитажа¹⁹. К сожалению, точные обстоятельства их обнаружения остаются для нас неизвестными. Тем не менее, периодические находки сасанидских печатей на территории Крыма, среди которых рассматриваемый мангупский перстень отличается своим ясным археологическим контекстом, определенно свидетельствуют о существовавших в ранневизантийскую эпоху каких-то до конца пока не понятных связях между населением отдаленной византийской провинции в Северном Причерноморье и крупнейшей империей Ближнего Востока.

Исторический контекст и интерпретация находки. Сасанидский перстень на Мангупе, имеющий самое непосредственное отношение к ранней истории этой крупной византийской крепости в Таврике, построенной в середине VI в., расширяет наши представления о географии таких находок в Восточной Европе.

Подавляющее большинство из них (165 предметов по каталогу Ю. А. Прокопенко) обнаружено на территории Северного Кавказа в ходе исследований археологических памятников Центрального Предкавказья (в основном, на территории Северной Осетии) и Дагестана²⁰. Их рассматривают прежде всего как свидетельство интенсивных контактов населения региона с Ираном в период активизации военных конфликтов между Византией и Сасанидской империей в VI – начале VII в. Важным представляется наблюдение о том, что предметы сасанидской глиптики, оказавшиеся здесь в иной этнокультурной среде,

¹⁸ Науменко В. Е., Набоков А. И. Детали костюма... С. 203–206.

¹⁹ Борисов А. Я., Луконин В. Г. Сасанидские геммы. С. 5, 80, 101, 118, 136, 165, 168, 177, 179–180. № 40, 154, 271, 403, 609, 634, 696, 708, 721.

²⁰ Прокопенко Ю. А. Сасанидские геммы (и инталии) и подражания им на памятниках Северного Кавказа // Из истории культуры народов Северного Кавказа : сб. науч. ст. Ставрополь, 2009. Вып. 1. С. 39–50. См. также: Гаджиев М. С. Памятники сасанидской глиптики из Дагестана // Художественная культура средневекового Дагестана : сб. ст. Махачкала, 1987. С. 139–151; Малахов С. Н. К истории алано-иранских этнокультурных контактов... С. 43–44; Коробов Д. С. Новый комплекс из могильника Мокрая Балка I // Древности Северного Кавказа : сб. ст. / под ред. В. И. Марковина. М., 1999. С. 161–164; Гаджиев М. С. Сасанидские геммы со среднеперсидскими надписями из Дагестана // Проблемы древней истории и культуры Северного Кавказа. М., 2004. С. 100–112.

Сасанидский ложный перстень из раскопок Мангупского дворца

использовались не по своему прямому назначению, а в качестве амулетов, талисманов и украшений, будучи максимальной адаптированными к существовавшим здесь религиозным культам и представлениям. Показательными являются находки многочисленных подражаний сасанидским геммам и печатам и заготовок для них (аналогичной формы, но без изображений), изготовленных местными мастерами из камня и цветного стекла (перстневые вставки, так называемые литики)²¹.

К северу от Кавказа находки сасанидских печатей единичны. Нам известны лишь четыре таких примера: случайная находка ложного перстня-печатки из халцедона на месте салтово-маяцкого Нижнелубянского катакомбного могильника VIII–IX вв. в Верхнем Подонье²², два халцедоновых ложных перстня из культурного слоя X–XI вв. на древнерусских памятниках – Гнездовском поселении и Ростове Великом²³, и, наконец, наиболее северная находка – сасанидская гемма, которая входила в состав ожерелья из погребения эпохи викингов в Уппланде (Северная Швеция)²⁴. Во всех случаях печати рассматриваются как случайные находки, оказавшиеся на территории Восточной Европы в результате эпизодических контактов с народами Северного Кавказа и Ирана в эпоху раннего Средневековья, как сувениры из дальних путешествий либо как военные трофеи участников военных походов эпохи викингов.

Рассматривая обстоятельства обнаружения сасанидского перстня на Мангупе и сопоставляя их с находками на Северном Кавказе и на территории Восточной Европы, следует признать, что они были, очевидно, разными. Слишком отличается исторический фон событий, происходивших в эпоху раннего Средневековья во всех перечисленных регионах и в Таврике. При этом происхождение мангупской печати также

²¹ Перечень заготовок см.: *Прокопенко Ю. А.* Сасанидские геммы... С. 50. См. также недавние публикации десятков литиков с изображениями птиц и животных, которые связываются с зороастрийской символикой в сасанидской глиптике, из раскопок могильника Мамисондон VIII в. в Северной Осетии и уникального перстня-печатки из агата с изображением лежащего оленя и среднеперсидской надписью «Асай, князь Алан» (IV–V вв.): *Lerner J. A. An Alan Seal // Bulletin of the Asia Institute. 2009. Vol. 19. P. 83–86; Албегова З. Х., Верецинский-Бабайлов Л. И.* Раннесредневековый могильник Мамисондон: результаты охранных археологических исследований 2007–2008 гг. в зоне строительства Зарамагских ГЭС. М., 2010. (Материалы охранных археологических исследований ; т. 11). С. 92–93.

²² *Афанасьев Г. Е.* Сасанидская гемма из Нижнелубянского могильника // РА. 2016. № 3. С. 121–130. Рис. 2, 1.

²³ *Вешнякова К. В.* Сасанидская печать из Гнездова // Древние культуры и технологии: новые исследования молодых археологов Санкт-Петербурга / отв. ред. В. М. Массон, Д. Г. Савинов. СПб., 1995. С. 64–69. Рис. 1; *Леонтьев А. Е.* Сасанидская печать из Ростова Великого // КСИА. 2016. Вып. 245. С. 37–41. Рис. 2, 1–2.

²⁴ *Пушкина Т. А.* Сувениры Аустрвег // У истоков русской государственности: историко-археологический сборник: к 30-летию археологического изучения Новгородского Юриякова Городища и Новгородской областной археологической экспедиции / ред.-сост. А. Е. Мусин. СПб., 2007. С. 329. Рис. 2, 2.

может иметь различные версии, что заставляет нас искать среди них лишь наиболее вероятную.

Прежде всего, сразу стоит отказаться от наиболее простой гипотезы появления сасанидского перстня-печатки на Мангупском городище в результате прямой официальной переписки между местной византийской администрацией и кем-то из иранских высокопоставленных корреспондентов или присутствия здесь воинских контингентов из Персии. Для этого у нас нет никаких оснований как для периода второй половины VI – первой половины VII в., если следовать установленной раскопками дате основания Мангупской крепости и общей хронологии существования Сасанидского государства, так и для более позднего времени²⁵. Предложенная в свое время У. Тредголдом, со ссылкой на Продолжателя Феофана, гипотеза военной реформы в конце правления императора Феофила (829–842), сутью которой стало расселение около 839 г. в 15 византийских фемах, в том числе и в византийской Таврике, отрядов персов-хуррамитов численностью по две тысячи человек, бежавших от преследований в Арабском халифате, не получила дальнейшей поддержки в историографии²⁶. И поэтому рассматривать перстень на Мангупе как некий ценный талисман такого выходца с территории Ирана в первой половине IX в. нет никакой возможности.

Также маловероятной выглядит пока гипотеза о принадлежности владельца нашего перстня группе населения, переселившейся в Таврику в VI–VII вв. из региона с устойчивыми политическими связями с Сасанидским Ираном, и которая, одновременно, являлась родственной в этнокультурном смысле жителям Юго-Западного Крыма. Такими, безусловно, могут считаться аланы Центрального Предкавказья, с учетом важнейшей роли аланского компонента в этногенезе населения области Дори, начиная с середины III в.²⁷ Однако случаи мигра-

²⁵ См. примеры персидских военных подразделений из числа военнопленных и перебежчиков в составе византийской армии на протяжении всего периода взаимоотношений Византии и Сасанидского государства: *Назаров А. Д.* Персидские иммигранты в вооруженных силах ранней Византии // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения.* 2020. Т. 25, № 6. С. 201–207.

²⁶ *Treadgold W.* The Byzantine Revival, 780–842. Stanford, 1988. P. 282–283, 312–319. Ср.: *Цукерман К.* К вопросу о ранней истории фемы Херсон // *БИАС. Симферополь*, 1997. Вып. 1. С. 316. По Е. А. Мехамадиеву, созданные Феофилом турмы персов-хуррамитов исполняли службу в фемах Арменияк, Анатолик и Халдия, но отнюдь не в Таврике: *Мехамадиев Е. А.* Персы-хуррамиты на службе в византийской армии в 833–839/840 гг.: военный ранг и функции персидских войсковых подразделений // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения.* 2020. Т. 25, № 6. С. 212–218.

²⁷ Об археологической культуре населения области Дори в VI–VII вв. см.: *Айбабин А. И., Хайрединова Э. А.* Крымские готы страны Дори (середина III–VII вв.). Симферополь, 2017. С. 149–171.

Сасанидский ложный перстень из раскопок Мангупского дворца

ции северокавказских аланов на территорию Крыма в интересующий нас период времени неизвестны. Интригующая же в рамках такой версии событий проблема соотношения разновременных аланских (готово-аланских) некрополей в округе Мангупской крепости – раннего, в балке Алмалык-дере (IV–VI вв.), и более поздних, Южный I, Южный II и Адым-Чокрак (второй половины VI – VIII в.), – пока еще серьезно не рассматривалась в историографии.

В связи с этим еще раз акцентируем внимание на собственно иранском происхождении и элитарном характере сасанидского перстня, найденного на Мангупе, и полагаем, что его, скорее всего, следует интерпретировать как обычный трофей византийского офицера, принимавшего участие в одной из многочисленных византийско-сасанидских войн второй половины VI – первой трети VII в. и затем продолжившего службу в составе гарнизона Мангупа-Дороса²⁸. Установить более точную дату этих событий практически невозможно, но нельзя не отметить при этом огромную добычу, которую получили византийцы во главе с императором Ираклием (610–641) при разграблении нескольких резиденций Сасанидов в Северном Иране (Дезеридан, Руса, Беклал, Дастагерд и др.) в ходе военной кампании 627–628 гг.²⁹ Тем более, что это была едва ли единственная военная кампания за всю историю противостояния Византии и Сасанидского Ирана, театр боевых действий которой находился на территории последнего.

Основные результаты исследования. Обнаруженный в ходе раскопок Мангупского дворца сасанидский перстень принадлежит к числу типичных ложных перстней-печаток эллипсоидной формы, изготовленных из халцедона на территории раннесредневекового Ирана, скорее всего, в позднесасанидское время. Композиция изображения на щитке печати – лежащий горный баран в сопровождении официальных символов правящей династии в государстве Сасанидов, – восходящая к легенде об основателе этой династии царе Ардашире I, ясно свидетельствует о высоком социальном статусе ее первоначального владельца.

Среди множества причин, по которым такая находка могла оказаться на Мангупе, наиболее вероятной является версия о военном

²⁸ В целом о византийском аспекте истории Сасанидского Ирана и византийско-иранских войнах второй половины VI – первой трети VII в. см.: *The Roman Eastern Frontier and the Persian Wars. Part II: AD 363–630. A Narrative Sourcebook* / ed. G. Greatrex, S. N. C. Lieu. London ; New York, 2005. P. 135–228; *Garsoïan N. Byzantium and the Sasanians* // *The Cambridge History of Iran. Vol. 3 (1): The Seleucid, Parthian and Sasanian Periods* / ed. E. Yarshater. Cambridge, 2006. P. 568–592; *Rubin Z. Eastern Neighbours: Persia and the Sasanian Monarchy (224–651)* // *The Cambridge History of Byzantine Empire, c. 500–1492* / ed. J. Shepard. Cambridge, 2008. P. 130–155.

²⁹ Свод основных византийских и армянских источников о событиях 627–628 гг. см.: *The Roman Eastern Frontier and the Persian Wars...* P. 209–225.

трофее византийского офицера, принимавшего участие в византийско-иранских конфликтах второй половины VI – первой трети VII в. и затем продолжившего службу в составе гарнизона одной из крупнейших крепостей в Таврике. В таком случае, в нашем распоряжении появляется первое достоверное свидетельство о более сложной, чем представлялось ранее, структуре византийского воинского контингента в Доросе-Мангупе, включавшего не только союзных Византии варваров (готов и аланов), обитавших здесь, но и византийских кадровых военных офицеров, направленных сюда из других регионов империи.

REFERENCES

- Aibabin, A. I., & Khairedinova, E. A. (2017). *Krymskie goty strany Dori (seredina III–VII vv.)* [Crimean Goths in the Region of Dory (Mid-Third to Seventh Century)]. Simferopol: Antikva.
- Albegova, Z. H., & Vereshchinskii-Babailov, L. I. (2010). *Rannesrednevekovyi mogil'nik Mamisondon: rezul'taty okhrannykh arkheologicheskikh issledovaniy 2007–2008 gg. v zone stroitel'stva Zaramagsskikh GES* [Early Medieval Burial Ground Mamisondon: Results of Protective Archaeological Research 2007–2008 in the Construction Zone of Zaramagsskikh Power Station]. Moscow: Institut arkheologii RAN; TAUS.
- Afanasyev, G. E. (2016). Sasanidskaia gemma iz Nizhnelubyanskogo mogil'nika [A Sasanid Gem from Nizhnelubianskii Semetery]. *Rossiiskaia arkheologiya*, 3, 121–135.
- Borisov, A. Ya., & Lukonin, V. G. (1963). *Sasanidskie gemmy* [Sasanian Gems]. Leningrad: Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha.
- Brunner, Ch. J. (1978). *Sasanian Stamp Seals in the Metropolitan Museum of Art*. New York: Publication of Metropolitan Museum of Art.
- Chunakova, O. M. (1987). (Ed.). *Kniga deianii Ardashira syna Papaka* [The Book of the Deeds of Ardashir's Son Papak]. Moscow: Nauka.
- Chunakova, O. M. (2004). *Pekhleviiskii slovar' zoroastriiskikh terminov, mificheskikh personazhei i mifologicheskikh simvolov* [Pahlavi Dictionary of Zoroastrian Terms, Mythical Personages and Mythological Symbols]. Moscow: Vostochnaia literatura.
- Dmitriev, V. A. (2012). Roga barana i kryl'ia sokola: k voprosu o religioznoi simvolike v оформлении tsarskikh koron Sasanidov [Ram's Horns and Falcon's Wings: Religious Symbolism in Sasanian Kings' Crowns]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*, 1(35), 144–152.
- Dushenko, A. A. (2018). Vizantiiskie raznovesy iz raskopok Mangupa [Byzantine Weights Excavated at Mangup]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 23, 255–268.
- Dushenko, A. A. (2020). Numizmaticheskii kompleks Mangupskogo kniazheskogo dvortsa (raskopki 2006–2018 gg.): statisticheskii obzor [The Numismatic Assemblage of the Prince's Palace at Mangup (2006–2018 Excavations): Its Statistical Review]. In N. A. Alekseenko (Ed.), *XII Mezhdunarodnyi Vizantiiskii Seminar*

Сасанидский ложный перстень из раскопок Мангупского дворца

“*Khersonos themata: imperiia i polis*”: *materialy nauchnoi konferentsii* [XII International Byzantine Seminar “ΧΕΡΣΟΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: Empire and Polis”: Materials of the Scientific Conference] (pp. 91–98). Simferopol: Kolorit.

Gadzhiev, M. S. (1987). Pamiatniki sasanidskoi gliptiki iz Dagestana [Monuments of Sasanian Glyptics from Dagestan]. In *Khudozhestvennaia kul'tura srednevekovogo Dagestana: sbornik statei* [Art Culture of Medieval Dagestan: Collection of Articles] (pp. 139–155). Mahachkala: Dagestanskii filial AN SSSR.

Gadzhiev, M. S. (2004). Sasanidskie gemmy so srednepersidskimi nadpisi-ami iz Dagestana [Sasanian Gems with Middle Persian Inscriptions from Dagestan]. In *Problemy drevnei istorii i kul'tury Severnogo Kavkaza* [Problems of Ancient History and Culture of the North Caucasus] (pp. 100–117). Moscow: Institut arkhologii RAN.

Garsoïan, N. (2006). Byzantium and the Sasanians. In E. Yarshater (Ed.), *The Cambridge History of Iran. Vol. 3(1): The Seleucid, Parthian and Sasanian Periods* (pp. 568–592). Cambridge: University Press.

Gertsen, A. G. (2007). Sasanidskii persten' iz raskopok Mangupa [Sasanian Ring from the Excavations of Mangup]. In N. A. Alekseenko, & T. Yu. Yashaeva (Eds.), *Nebesnye patrony i zemnye sluzhiteli kul'ta: tezisy dokladov i soobshchenii IX Mezhdunarodnoi Krymskoi konferentsii po religiovedeniui* [Heavenly Patrons and Earthly Ministers of Worship: Abstracts of Reports of the IX International Crimean Conference on Religious Studies] (pp. 18–19). Sevastopol: Intersfera.

Gertsen, A. G., Naumenko, V. E., & Dushenko, A. A. (2018). Kniazheskii dvorets Mangupskogo gorodishcha. Stratigrafiia uchastka issledovaniia 2006–2017 gg. (predvaritel'noe soobshchenie) [Prince's Palace at the Ancient City of Mangup. Stratigraphy of the 2006–2017 Research Area (A Preliminary Communication)]. In N. A. Alekseenko (Ed.), *X Mezhdunarodnyi Vizantiiskii seminar “Khersonos themata: imperiia i polis”: materialy nauchnoi konferentsii* [X International Byzantine Seminar “ΧΕΡΣΟΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: Empire and Polis”: Materials of the Scientific Conference] (pp. 53–58). Sevastopol; Simferopol: Kolorit.

Gertsen, A. G., Naumenko, V. E., & Dushenko, A. A. (2019). Osnovnye itogi i perspektivy issledovaniia kniazheskogo dvortsa Mangupskogo gorodishcha [The Main Results and Prospects of Research of the Princely Palace of the Mangup Settlement]. In V. N. Zin'ko, & E. A. Zin'ko (Eds.), *XX Bosporskie chteniia “Bospor Kimmeriiskii i varvarskii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Osnovnye itogi i perspektivy issledovaniia”: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [XX Bosporan Readings “Bosporus of Cimmeria and the Barbarian World in the Period of Antiquity and the Middle Ages. The Main Results and Prospects of Research”: Materials of the International Scientific Conference] (pp. 139–148). Simferopol; Kerch: IP Kifnidi Georgii Ivanovich.

Greatrex, G., & Lieu, S. N. C. (Eds.). (2005). *The Roman Eastern Frontier and the Persian Wars. Part II: AD 363–630. A Narrative Sourcebook*. London; New York: Routledge.

Korobov, D. S. (1999). Novyi kompleks iz mogil'nika Mokraia Balka I [New Complex from the Mokraya Balka I Burial Ground]. In V. I. Markovin (Ed.), *Drevnosti Severnogo Kavkaza: sbornik statei* [Antiquities of the North Caucasus: Collection of Articles] (pp. 161–168). Moscow: Institut arkhologii RAN.

Leontyev, A. E. (2016). Sasanidskaia pechat' iz Rostova Velikogo [A Sasanian Stamp Seal from Rostov Velikii]. *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii*, 245, 37–43.

Lerner, J. A. (1976). Sasanian Seals in the Department of Medieval and Later Antiquities of the British Museum. *Journal of Near Eastern Studies*, 35(3), 183–187.

Lerner, J. A. (2009). An Alan Seal. *Bulletin of the Asia Institute*, 19, 83–89.

Levina, L. M. (1996). *Etnokul'turnaia istoriia Vostochnogo Priaral'ia: I tysiacheletie do n. e. – I tysiacheletie n. e.* [Ethnic and Cultural History of the Eastern Priaralye: First Millennium BC – First Millennium AD]. Moscow: Vostochnaia literatura.

Levina, L. M., & Nikitin, A. B. (1991). Ob odnoi gruppe iranskikh reznykh kamnei iz Vostochnogo Priaral'ia [About One Group of Iranian Gems Found East of the Aral Lake]. *Vestnik drevnei istorii*, 3, 53–65.

Litvinsky, B. A. (1968). *Kangiuisko-sarmatskii farn (k istoriko-kul'turnym sviaziam plemen Iuzhnoi Rosii i Srednei Azii)* [Kangyui and Sarmatian Farn (to the Historical and Cultural Ties of the Tribes of Southern Russia and Central Asia)]. Dushanbe: Donish.

Malakhov, S. N. (1988). K istorii alano-iranskikh etnokul'turnykh kontaktov v rannem srednevekov'e (sasanidskaia gemma iz st. Alekseevskoi Krasnodarskogo kraia) [To the History of Alano-Iranian Ethnocultural Contacts in the Early Middle Ages (Sassanian Gem from the Alekseevskaya Station of the Krasnodar Region)]. In *Metodika issledovaniia i interpretatsiia arkheologicheskikh materialov Severnogo Kavkaza* [Methodology of Research and Interpretation of Archaeological Materials of the North Caucasus] (pp. 43–50). Ordzhonikidze: Ir.

Mekhamadiev, E. A. (2020). Persy-khurramity na sluzhbe v vizantiiskoi armii v 833–839/840 gg.: voennyi rang i funktsii persidskikh voiskovykh podrazdelenii [Persians-Khurramites in the Bizantium Military Service during 833–839/840: Military Rank and Functions of Persian Military Units]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*, 25(6), 212–221.

Naumenko, V. E. (2020). “Latiniane” na Mangupe. Unikal'nyi zapadno-evropeiskii krest-enkolpion iz raskopok kniazheskogo dvortsa Mangupskogo gorodishcha: problemy atributsii i datirovki [The “Latins” on Mangup. Unique Western-European Cross-Encolpion from the Excavations of Prince's Palace in Ancient Mangup: Problems of Attribution and Dating]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*, 25(6), 100–115.

Naumenko, V. E., & Nabokov, A. I. (2021). Detali kostiama rannevizantiiskogo vremeni iz raskopok Mangupskogo dvortsa [Early Byzantine Costume Details Excavated in the Palace of Mangup]. In N. A. Alekseenko (Ed.), *XIII Mezhdunarodnyi Vizantiiskii seminar “Khersonos themata: imperiia i polis”: materialy nauchnoi konferentsii* [XIII International Byzantine Seminar “ΧΕΡΣΟΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: Empire and Polis”: Materials of the Scientific Conference] (pp. 201–210). Simferopol: ARIAL.

Nazarov, A. D. (2020). Persidskie immigranty v vooruzhennykh silakh rannei Vizantii [Persian Immigrants in the Armed Forces of Early Byzantium]. *Vestnik*

Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya, 25(6), 201–210.

Prokopenko, Yu. A. (2009). Sasanidskie gemmy (i intalii) i podrazhaniia im na pamiatnikakh Severnogo Kavkaza [Sasanian Gems (and Intaglios) and Imitations of them on the Monuments of the North Caucasus]. In *Iz istorii kul'tury narodov Severnogo Kavkaza: sbornik nauchnykh statei* [From the Cultural History of the Peoples of the North Caucasus: a Collection of Scientific Articles] (Iss. 1, pp. 39–60). Stavropol: Grafa.

Pushkina, T. A. (2007). Suveniry Austrveg [Souvenirs from Austrvegr]. In A. E. Musin (Ed.), *U istokov russkoi gosudarstvennosti: istoriko-arkheologicheskii sbornik: k 30-letiiu arkheologicheskogo izucheniia Novgorodskogo Riurikova Gorodishcha i Novgorodskoi oblastnoi arkheologicheskoi ekspeditsii* [At the Origins of Russian Statehood: Historical and Archaeological Collection: to the 30th Anniversary of the Archaeological Study of the Novgorod Rurik Settlement and the Novgorod Regional Archaeological Expedition] (pp. 325–331). St Petersburg: Dmitrii Bulanin.

Ritter, N. C. (2012). On the Development of Sasanian Seals and Sealing Practice: A Mesopotamian Approach. In I. Regulsky, K. Duistermaat, & P. Verkinderen (Eds.), *Seals and Sealing Practice in the Near East. Developments in the Administration and Magic from Prehistory to the Islamic Period: Proceedings of an International Workshop at the Netherlands-Flemish Institute in Cairo on December 2–3, 2009* (pp. 99–114). Leuven; Paris; Walpole: Uitgeverij Peeters en Department Oosterse Studies.

Ritter, N. C. (2017). Gemstones in Pre-Islamic Persia: Social and Symbolic Meanings of Sasanian Seals. In A. Hilgner, S. Greiff, & D. Quast (Eds.), *Gemstones in the First Millennium AD: Mines, Trade, Workshops and Symbolism* (pp. 277–292). Mainz: Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums.

Rubin, Z. (2008). Eastern Neighbours: Persia and the Sasanian Monarchy (224–651). In J. Shepard (Ed.), *The Cambridge History of Byzantine Empire, c. 500–1492* (pp. 130–155). Cambridge: University Press.

Shenkar', M. A. (2013). Ob ikonografii x'arənah i ego roli v ideologii drevnikh iranecv [About the Iconography of x'arənah and Its Role in the Ideology of the Ancient Iranians]. In *Poslednii entsiklopedist: k iubileiu B. A. Litvinskogo* [The Last Encyclopedist: to the Anniversary of B. A. Litvinsky] (pp. 427–451). Moscow: Institut vostokovedeniia RAN.

Smirnova, N. M. (2012). Gliptika Sasanidskogo Irana [Glyptic of Sasanian Iran]. In *Mir v miniatiure. Gemmy iz sobraniia Gosudarstvennogo Muzeia izobrazitel'nykh iskusstv im. A. S. Pushkina: katalog* [The World in Miniature. Gems from the Collection of the Pushkin State Museum of Fine Arts: Catalog] (pp. 50–81). Moscow: Izdatel'stvo GMII im. A. S. Pushkina.

Spier, J. (1992). *Ancient Gems and Finger Rings: Catalogue of the Collections*. Malibu: The J. Paul Getty Museum.

Treadgold, W. (1988). *The Byzantine Revival, 780–842*. Stanford: Stanford University Press.

Veshnyakova, K. V. (1995). Sasanidskaia pechat' iz Gnezdova [Sasanian Seal from Gnezdovo]. In V. M. Masson, & D. G. Savinov (Eds.), *Drevnie kul'tury i tekhnologii: novye issledovaniia molodykh arkheologov Sankt-Peterburga* [Ancient

В. Е. Науменко, А. Г. Герцен

Cultures and Technologies: New Research by Young Archaeologists of St Petersburg] (pp. 64–70). St Petersburg: IIMK RAN; SPbGU.

Zukerman, K. (1997). K voprosu o rannei istorii femy Kherson [To the Question of the Early History of the Kherson Theme]. In *Bakhchisaraiskii istoriko-arkheologicheskii sbornik* [Bakhchisarai Historical and Archaeological Collection] (Iss. 1, pp. 312–323). Simferopol: Tavriia.

Науменко Валерий Евгеньевич

кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории древнего
мира и средних веков
Крымский федеральный
университет им. В. И. Вернадского
295007, Симферополь,
пр. Вернадского, 4
E-mail: byzance@rambler.ru

Герцен Александр Германович

кандидат исторических наук, декан
исторического факультета
Крымский федеральный
университет им. В. И. Вернадского
295007, Симферополь,
пр. Вернадского, 4
E-mail: gertsenag@yandex.ru

Naumenko, Valerii Evgen'evich

PhD (History), Associate Professor
Ancient and Mediaeval History Department
V. I. Vernadsky Crimean Federal University
4 Vernadsky Ave, 295007, Simferopol,
Russia
Email: byzance@rambler.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2590-6314>
ResearcherID: W-7627-2018
Scopus AuthorID: 57214230180

Gertsen, Aleksandr Germanovich

PhD (History), Dean
Faculty of History
V. I. Vernadsky Crimean Federal University
4 Vernadsky Ave, 295007, Simferopol,
Russia
Email: gertsenag@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0003-1586-5886>
ResearcherID: AAU-9228-2020